

УДК 821.161.1-1
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-45

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.01

Т. Н. Маркова
Челябинск, Россия

КОНФЛИКТ ПОЭТА С «ЖЕЛЕЗНЫМ ВЕКОВ» В ПОЭЗИИ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Аннотация. Противостояние Пушкина и его друзей воинствующей коммерции носило активный, действенный характер как в журнальной, издательской сфере, так и в сфере художественного творчества. Задача статьи — осуществить сопоставительный анализ ряда стихотворений поэтов пушкинского круга, чтобы уяснить как общее в понимании сути конфликта, так и различия в характере его освещения и перспективах разрешения. В идиллии Дельвига конфликт поэзии с веком выражается в трагическом предчувствии гибели гармонии, светлого, нравственного начала жизни. В стихотворении Вяземского поэт добровольно капитулирует перед бесовской силой, но остается конфликт Поэзии с рыночной литературой. Баратынский сообщает конфликту поэта с веком метафизический характер. Приподнимаясь над временем, поэт-философ придает своим сомнениям обобщенный и универсализированный характер. Глубокое и действенное художественное исследование проблемы взаимоотношений поэта с новым веком представляет пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом». В этом стихотворении нашло выражение новое для современной Пушкину романтической литературы ощущение реальности, понимание изменчивости, движения времени, новый взгляд на исторический и литературный процесс, наконец, новый тип героя, в обрисовке которого важна и психологическая и жизненная, материальная конкретность. Противостояние коммерции в духовной сфере остается необходимым условием поддержания уровня нравственности в литературе во все времена.

Ключевые слова: поэтическое творчество; русская поэзия; русские поэты; анализ стихотворений; коммерциализация литературы.

T. N. Markova
Chelyabinsk, Russia

CONFLICT BETWEEN THE POET AND THE «IRON AGE» IN THE POETRY OF PUSHKIN'S TIME

Abstract. Pushkin and his friends' confrontation of the militant commerce was of an active, practical character, both in the magazine, publishing and artistic spheres. The aim of this article is to carry out a comparative analysis of a number of poems by the poets of Pushkin's circle in order to see the common in the understanding of the conflict and the differences in the nature of its presentation and prospects of resolution. The conflict between poetry and the century is revealed in Delvig's idyll as a tragic premonition of the death of harmony and the light, moral essence of life. In the poem by Viazemsky, the poet voluntarily surrenders to the power of demons, but the conflict between Poetry and market literature stays. Baratynsky gives the conflict between the poet and the century a metaphysical character. Rising above time, the poet-philosopher generalizes his hesitations and makes them universal. Pushkin's «Conversation of the bookseller with the poet» presents a thorough and efficient investigation of the artistic problem of relationship between the poet and the new century. A new sense of reality, understanding of variability, travel of time, a new attitude to the historical and literary process, and, finally, a new type of character whose depiction needs both psychological and material concreteness typical of the romantic literature of Pushkin's time found their reflection in this poem. Confrontation of commerce in the spiritual realm is a prerequisite for maintaining the level of morality in literature at all times.

Keywords: poetical creative activity; Russian poetry; Russian poets; analysis of poems; commercialization of literature.

Образ «железного века» восходит к древнегреческому источнику — поэме Гесиода (8–7 век до н. э.) «Труды и дни». Согласно мифу, изложенному Гесиодом, человеческая история началась с золотого века, а кончится железным. Образ «железного века» в поэме символизирует утрату нравственных устоев, движение человечества к гибели.

В русской поэзии XIX века впервые образ встречается у К. Н. Батюшкова. В его переводе I-ой сатиры Буало (1805) звучит отчаянный монолог поэта, отвергнувшего мир, погрязший в пороках, презирающий честную бедность и святую истину. «Таков железный век!» — восклицает поэт и сыплет ему проклятия. Очевидно, что конфликт здесь носит в достаточной степени отвлеченный, условный, нравственно-дидактический характер. Позднее и самый образ «железного века» насыщается конкретными чертами определенной эпохи, и конфликт поэта с железным веком получает куда более глубокое и разностороннее освещение. Наша задача — произвести сопоставительный анализ ряда стихотворений поэтов пушкинской поры [Поэты... 1972], уяснить

общее в понимании сути конфликта и различия в характере его освещения и перспективах разрешения. Для правильного понимания сути конфликта необходим историко-литературный комментарий.

20–30 годы XIX столетия вошли в историю русской литературы как период бурного, интенсивного развития журнального, книгоиздательского дела [Вацура, Гиллельсон 1972]. Решительно меняется литературная ситуация. Стихотворения и переводы, романы и поэмы, статьи и водевили становятся товаром, а значит, на повестку дня встает проблема обогащения за счет литературы. Журнальная критика нового времени вовлекает в литературные дела и споры все более широкие читательские круги. Издательское дело становится коммерцией — такова историческая закономерность.

Первые симптомы заката золотого века муз поэты почувствовали в начале 20-х годов. «Что сделалось с литературой? Тошно смотреть, слушать и читать. Булгарин — законодатель вкуса!» — досадует Жуковский в письме Вяземскому от 22 сентября 1824 года [Вацура 1978: 32]. С приездом Воейкова из

Дерпта и появлением Булгарина литература наша совсем погибла. Подлец на подлеще подлещом погоняет», — негодует Дельвиг в письме Пушкину в том же сентябре 1824 года [Вацуру 1978: 32]. В новых условиях неизбежные изменения претерпевает краеугольный принцип этики пушкинского круга писателей — принцип бескорыстного служения Красоте и Гармонии.

Что определяло и что составляло сущность их общественно-литературной позиции? Очевидно, не политические программы и даже не эстетические декларации, а литературно-бытовые связи, общность литературного воспитания и учителей. Поэты пушкинского круга отстаивали независимость эстетической сферы. Их идеалы, с социальной точки зрения, аморфные, абстрактные, ориентированы на «вечные ценности», а не на злобу дня, а значит, шире и, стало быть, устойчивее многих злободневных, актуальных. Не разделяя главный постулат декабристской эстетики о служении Гражданской Идеи, поэты пушкинского круга категорически отвергли идею нового времени — служение Золотому Тельцу.

Настойчивое стремление определить тактику литературного поведения в новых условиях мы обнаруживаем в письмах Пушкина начала 20-х годов. Вот некоторые красноречивые фрагменты: «Аристократические предубеждения пристали тебе, но не мне — на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышом» (Из письма Вяземскому, март, 1823 г.) [Пушкин 1979: 48]. «Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо я не принадлежу к нашим писателям 18 века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть не для улыбки прекрасного пола» (Вяземскому, 8 марта, 1824 г.) [Пушкин 1979: 67].

В официальном письме правителю канцелярии графа Воронцова А. И. Казначееву от 22 мая 1824 года слова Пушкина обретают ясность и лаконичность жизненной программы: «Ради бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто моё ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость» [Пушкин 1979: 71].

Противостояние коммерческой литературе проявилось в борьбе Пушкина, Дельвига, Вяземского против официальной «Северной пчелы» [Пушкин 1966: 220–221], а также в отношениях с предпринимателями новой формации — издателями «Московского Телеграфа», братьями Николаем и Ксенофонтом Полевыми.

За «Московским Телеграфом» укрепилась репутация демократического издания, «ставшего прибежищем русского вольнодумства» [Вацуру, Гиллельсон 1972]. Отзыв Пушкина о новом журнале был снисходительно-одобрительным, но на предложение войти в редакцию последовал весьма категоричный отказ: стихи — извольте, имя как сотрудирика — нет, «не соглашусь из благородной гордости, т.е. амбиции» [Пушкин 1979: 118]. Свой отказ Пушкин, на первый взгляд, весьма неожиданно мотивирует своей «амбицией» и «склонностью аристократическостать». Пройдет немного времени и на пушкинский круг поэтов градом посыплются обвинения

в «литературном аристократизме». Что же? Пушкин сознательно спровоцировал эти нападки? Нет нужды сегодня опровергать давно устаревшие концепции о сословной ограниченности дворянских писателей, важно прояснить содержание, которое вкладывали Пушкин и его друзья-поэты в понятие «аристократизм».

Уже в 1825 году Пушкину довелось отвечать на упреки со стороны отнюдь не плебея Полевого, а дворянина Рылеева: «Ты сердисься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (моё дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость. Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них. Там есть нечего, они пишут книгу, а у нас есть нечего, служи, да не сочиняй. Милый мой, ты поэт и я поэт, но я сузу более прозаически и чуть ли от этого не прав» [Пушкин 1979: 138–139].

600-летнее дворянство и аристократизм высоко ценились Пушкиным как мощные правовые и моральные гарантии свободы творчества, гарантии независимости, с одной стороны, от великодушного покровительства вельмож, с другой стороны — от предприимчивости законодателей новой литературной эпохи. Это в то самое время, когда в выступлениях и пародиях «Московского Телеграфа» разворачивалась критика дворянской культуры, шла прямая дискредитация дворянской поэзии и поэтов — Баратынского, Дельвига, Пушкина.

О тоне журнальной полемики этой поры писал Вяземский: «О литературном состязании нашей республики писем говорить почти нечего, но можно и должно бы написать обозрение нравственного состояния литературы нашей» [Гиллельсон 1969: 200]. Со строками Вяземского перекликаются широко известные пушкинские: «Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок. Быть так» [Пушкин 1979: 366].

Противостояние Пушкина и его друзей воинствующей коммерции носило активный, действенный характер как в сфере художественного творчества, так и в сфере журнальной, издательской. Невозможно представить себе литературной жизни 1820–1830-х годов без резко оригинальной публицистики Вяземского, без «благоуханного» альманаха Дельвига «Северные цветы», без пушкинских «Литературной газеты» и «Современника».

Интенсивная профессионализация литературного труда остро ставила этические проблемы взаимоотношения поэта с промышленным веком, поэта с читателем, жаждущим журнальной пищи, поэта с издателем. Эти проблемы нашли отражение в ряде поэтических текстов, а именно: «Разговор книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина, «Конец золотого века» А. А. Дельвига, «Три века поэтов» П. А. Вяземского, «Последний поэт» Е. А. Баратынского.

Известный среди современников глубокими познаниями и пристрастием к античной литературе Антон Дельвиг свою мечту об идеальном мире и человеке связывает, конечно, с античностью. Из «железного» XIX века он легко и свободно переносится в «детство человечества», в «золотой век», открывая в нем неисчерпаемый клад мудрости, красоты, человечности. Его античность — это романтический идеал, прекрасная и недостижимая мечта. Опираясь на идиллии Феокрита, поэт воплотил свое представление о гармонии жизни человеческой души и природы. Им написаны несколько идиллий на античные темы. Герои идиллий Дельвига («Купальницы», «Друзья», «Титир и Зоя», «Изобретение ваяния») — цельные существа, никогда не изменяющие своим чувствам, своему естеству. Эта цельность и обеспечивает их гармонию с природой.

Идиллия «Конец золотого века» [Дельвиг 1983] строится в форме диалога между путешественником и пастухом. Стихотворение исполнено трагическим предчувствием гибели гармонии, светлого, нравственного начала жизни. С грустью вспоминая былые времена, пастух советует страннику искать счастья в других землях. В прежде счастливую пастушескую страну Аркадию, в мир безмятежных радостей невинных детей природы вторгается городской юноша Мелетий. Он становится избранником прекраснейшей из пастушек — Амариллы. Юными красавцами любят аркадские пастухи, безмятежные в своей наивности:

«Кто ж бы дерзнул и помыслить из нас, что душой он коварен,

Что в городах и образ прекрасный, и клятвы преступны».

Соблазненный богатством юноша не сдержал клятв верности. Город с его корыстью и развратом толкает его на путь измены в любви. Измена чувству влечет разрушение гармонии человека и природы. Сходит с ума прекрасная пастушка («Сердце простое черной измены постичь не умело»), блекнет красота Аркадии. Ложь, обман, корыстный расчет губят гармонию, поэзию, красоту. Таким образом, акцент в отражении конфликта Дельвиг делает на порушенном единстве этического и эстетического.

В основу стихотворения Петра Вяземского «Три века поэтов» [Вяземский 1978], вышедшем в альманахе «Радуга» в 1830 году, положен уже известный миф Гесиода, согласно которому человеческая история началась с золотого века, а кончится железным. Вяземский последовательно рисует сменяющие друг друга картины. Вначале это беспечный, невинный, счастливо поющий на воле, на досуге поэт золотого века. Затем «гостинный человек», сочиняющий стихи в альбом, поэт серебряного века, изменивший «высшему наитию», мешающий с правдой ложь. И наконец, бедняга-поэт железного века становится «оброчным альманахов», жертвой мифологического «Бриарея сторукого».

Не отделён поэт на пёстрых сходках
От торгашей игрушек, леденцов,
От пленников в раскрашенных колодках,
От гаеров, фигляров, крикунов.

В стихотворении Вяземского как такового конфликта поэта с веком нет по причине добровольной и скорой капитуляции поэта перед хищнической бесовской силой, но остается конфликт Поэзии с рыночной литературой, и остается совершенно определено, однозначно выраженная авторская позиция: «Вопль совести, упрёки бесполезны, Поэт заснул в губительном чаду...».

Подлинно трагическое звучание приобретает конфликт поэта с веком в стихотворении Евгения Баратынского «Последний поэт» [1]:

Век шестует путём своим железным
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья
Промышленным заботам преданы.

Поэт воспевае любовь и красоту, благодать страстей, облагораживающих сердца людей. Чтобы подчеркнуть глубину конфликта между поэтом и «промышленным» веком, Баратынский делает местом их столкновения Элладу — «святую, божественную» страну, родину поэзии.

Поэт обращается к людям с проповедью любви и красоты: «Поклонникам Урании холодной поёт, увы! он благодать страстей». Однако он и поколения «промышленный забот» говорят на разных языках. Невозможность коммуникации поддержана метрически:

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Жарким сердцем покоримся
Думам хладным, а не им!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил.
Сомкнул уста, вещать полутверсты,
Но гордые главы не преклонил...
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!

Баратынский ставит вопрос об антагонистической несовместимости «торговой логики» с истинным искусством. Конфликт между поэтом и миром проявляется как противоречие интуитивного и интеллектуального, «страстей» и «хладных дум». С одной стороны, поэт — «нежданный сын последних сил природы», «живительное дыхание фантазии», «улыбчивые сны», с другой — «железный век», «промышленные заботы», «суровый смех».

Между тем было бы ошибкой усматривать в «Последнем поэте» протест против технического прогресса. Зло «железного века» для Баратынского — в приверженности его современников к «корысти», к «насущному и полезному». «Железный век» — это век пошлого расчета, корыстного предпринимательства.

Чтобы подчеркнуть глубину конфликта между поэтом и «промышленным» веком, Баратынский делает местом их столкновения Элладу — «святую, божественную» страну, родину поэзии. Конфликт поэта с миром разрешается трагически и для того, и для дру-

гого. Поэтический дар бесполезен, поэтому ненужный свету поэт обречен на гибель. Но и свет, отказавшийся от поэзии, напоминает безжизненный скелет, то есть тоже гибнет, если не физически, то духовно.

В композиции стихотворения воссоздается образ контрастного и единого в своей безысходности бытия. Отвергнутому миром поэту подсказан выход из тупика непонимания — самоубийство. Мир глух, поэтический дар бесполезен, и все же поэт отходит от «шумных вод» с «тоскующей душой». И это не проявление малодушия, а выражение вселенской тоски.

Баратынский придал конфликту поэта с веком метафизический характер, независимый от социальных условий и неразрешимый на конкретно-историческом промежутке времени. Он драматически ощущал дисгармонию человека и общества, противоречия между разумом и чувством в самой человеческой природе. Приподнимаясь над временем, поэт-философ придал своим сомнениям обобщенный и универсализированный характер.

Глубокое и действенное художественное исследование литературно-общественной проблемы взаимоотношения поэта с новым веком представляет пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824) [Пушкин 1977: 174].

Диалог выявляет два диаметрально противоположных представления о литературном труде. С одной стороны, циничный практицизм книготорговца:

Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши превратим.

Или ещё более унижительное: «Вы разошлись по рукам».

С другой стороны — трепетное, остерігающее-постороннего глаза, целомудренное, глубоко интимное, даже суеверное отношение поэта к приходу вдохновения, олицетворенного в образе Музы. Для поэта-романтика постыден торг дарами его Музы, приносящей радость творческих восторгов.

Однако между участниками разговора нет антагонизма. Элегические воспоминания о высоких порывах своей романтической юности не мешают поэту принять правоту оппонента. Поэт не намерен напрасно спорить с веком, отвергать очевидное:

Внемлите истине полезной:
Наш век — торгош, в сей век железный
Без денег и свободы нет.

Вместе с тем он решительно отстаивает свою творческую независимость, свое право продавать рукописи, но не вдохновение.

В стихотворении Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» представлены разные позиции, но есть и консенсус. Значит, компромисс возможен, по крайней мере, до тех пор, пока одна из сторон не переступит определенного предела.

Отметим принципиальную важность замены языка поэтического в конце стихотворения языком прозы. Это сигнал, что разговор переходит в иную

плоскость — сферу деловых партнерских взаимоотношений литератора и издателя. И здесь вступают в силу иные законы, а значит, потребен иной стиль: «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся» [Пушкин 1977: 179].

В этом стихотворении запечатлено новое для современной Пушкину романтической литературы ощущение реальности, понимание изменчивости, движение времени: новый взгляд на исторический и литературный процесс, наконец, новый тип героя, в обрисовке которого важна и психологическая и жизненная, материальная конкретность.

Прошли десятилетия, и время расставило все по своим местам, но противостояние коммерции в духовной сфере было и остается необходимым условием поддержания уровня нравственности в литературе во все времена, в том числе времена переходные, кризисные, коими так богата история нашего Отечества.

ЛИТЕРАТУРА

Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. — М.: Наука, 1983.

Вацуро В. Е., Гиллельсон М. И. «Сквозь умственные плотины»: Из истории книги и прессы пушкинской поры. — М., 1972.

Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига-Пушкина — М., 1978.

Вяземский П. А. Стихотворения. — Советская Россия, 1978.

Гиллельсон М. И. Вяземский Жизнь и творчество. — Л., 1969. — С. 200.

Дельвиг А. А. Стихотворения. — М.: Советская Россия, 1983.

Поэты пушкинской поры / сост. Н. Л. Степанов. — М.: Худож. лит., 1972.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. 2. — Л., 1977.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. 10. Письма. — Л., 1979.

Пушкин. Итоги и проблемы изучения. — М.–Л.: Наука, 1966.

REFERENCES

Baratynskiy E. A. Stikhotvoreniya. Poemy. — M.: Nauka, 1983.

Vatsuro V. E., Gillel'son M. I. «Skvoz' umstvennyye plotiny»: Iz istorii knigi i pressy pushkinskoy pory. — M., 1972.

Vatsuro V. E. «Severnyye tsvety». Istoriya al'manakha Del'viga-Pushkina — M., 1978.

Vyazemskiy P. A. Stikhotvoreniya. — Sovetskaya Rossiya, 1978.

Gillel'son M. I. Vyazemskiy Zhizn' i tvorchestvo. — L., 1969. — S. 200.

Del'vig A. A. Stikhotvoreniya. — M.: Sovetskaya Rossiya, 1983.

Poety pushkinskoy pory / sost. N. L. Stepanov. — M.: Khudozh. lit., 1972.

Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. v 10 tt. T. 2. — L., 1977.

Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. v 10 tt. T. 10. Pis'ma. — L., 1979.

Pushkin. Itogi i problemy izucheniya. — M.–L.: Nauka, 1966.

Данные об авторе

Татьяна Николаевна Маркова — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.

E-mail: kaflit353@yandex.ru.

About the author

Markova Tat'yana Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University (Chelyabinsk).